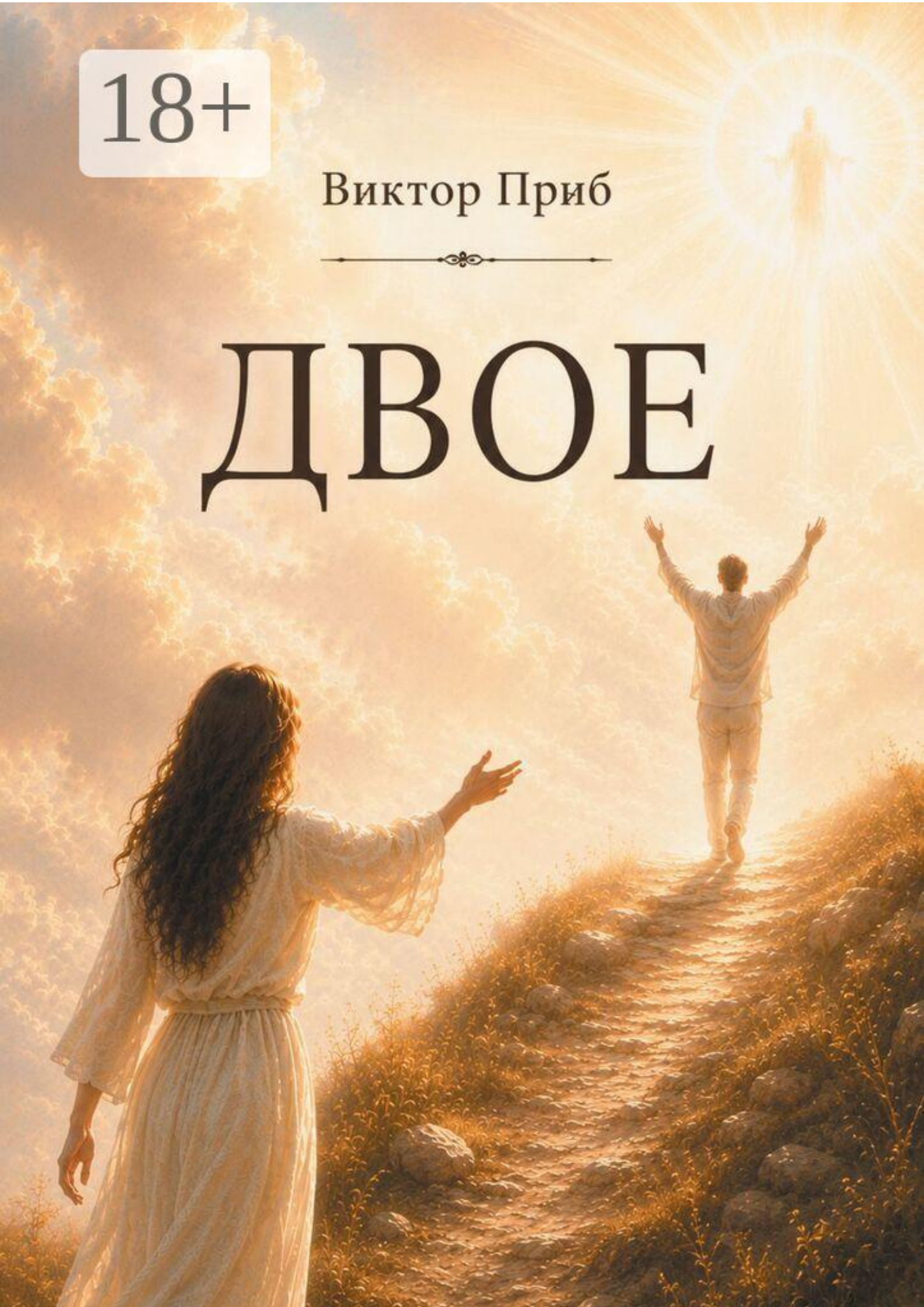

18+

Виктор Приб

ДВОЕ

Виктор Приб

Двое

«Издательские решения»

Приб В.

Двое / В. Приб — «Издательские решения»,

Перед вами сборник рассказов, в котором каждый читатель найдёт историю по своему вкусу. Одни могут насмешить, другие — заставят задуматься, а третьи — напомнят о юности. Рассказ «Двое» — о трогательной любви. Зарисовки «В Париже» и «Вечерняя Ялта» перенесут вас в эти города. Юмористический рассказ «Славакия» — о человеке, который строил своё собственное государство. «Коляка» и «Спецкор» — о превратностях судьбы. А зарисовки «Фантомные боли» и «Свечи» настроят на философский лад.

© Приб В.

© Издательские решения

Содержание

Двое	6
Богураев	9
Пенёк в лаптях	13
Коляка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Двое

Виктор Приб

Редактор Антон Мещеряков

Корректор Ксения Черепанова

Фотограф Игорь Концуров

© Виктор Приб, 2026

© Игорь Концуров, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-8872-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двое

Чёрное небо в россыпях звёзд немного пугало своей невообразимой глубиной.

Уже чувствовался близкий рассвет.

Тёплый воздух стоял неподвижно, лёгкие шорохи под открытым окном были частью спокойной тишины.

Её голос вплетался в эту тишину и тоже становился её частью.

Ты знаешь, я ведь бабулю свою чаще вспоминаю, чем родителей, хотя маму и папку любила без памяти. Помню, даже из пионерского лагеря меня пришлось забрать через неделю, так я скучала по родителям, плакала всё время. Позже, уже когда мама болела, я просыпалась ночами от жуткого страха, пробиралась на цыпочках к двери спальни и, только услышав дыхание мамы, возвращалась в постель. Мне хотелось спрятать её ингаляторы, которые она всегда носила с собой. Я думала, если их не будет, то и болеть она перестанет. Закончатся эти страшные приступы, когда она задыхалась, и вены на её руках и шее надувались, будто собирались лопнуть. А потом уже и ингаляторы не очень помогали. Выручали скорые с их уколами. Ты и сам, наверно, помнишь, как бегал в телефонную будку, когда мы уже были вместе... Забыла, как это остановка трамвая называлась... Не важно. Как мама отважилась тогда прилететь одна?.. Сильно скучала за своей младшенькой да за внучкой. Вот наши химзаводы и встретили её во всеоружии — приступы через день были.

Родители работали, а бабуля — вот она, всегда рядом. Всё моё светлое детство связано с ней. Случилось что, коленки содрала, палец порезала — сразу домой к ней. Бабуля и подует, и полечит заговором. Я её просила: «Баб, пошепчи, чтобы быстрее заросло». И она шептала, даже поплёвывала, бывало. И зарастало быстрее. Песни мне пела перед сном. Папка новости смотрит, мама на кухне, а баба Анюта мне поёт... Лучшего времени не было в моей жизни. Она хоть и безграмотная была, а песен много знала. Сейчас такие не поют.

Из самого раннего помню, как утром мы стояли с бабой Анютой в церкви. Было душно, многолюдно. Я глазела по сторонам, церковь была большой, не то что наш дом. Когда надо было креститься и кланяться, бабушка легонько дёргала меня за косичку.

Она наклонилась к нему.

А где ты был в это время?

Он улыбнулся в темноте.

А в это время на моей улице бушевала война. Мой деревянный автомат с круглым диском косил несметные ряды наступающих. По соседним переулкам мы заходили в тыл врагу, ползком, продирая штаны на коленях, подбирались поближе... А потом «Ура!», рукопашная, и я лежу среди своих и поверженных чужих. Раненый, но победивший.

Эх, дал бы знать — примчалась бы к тебе санитаркой. Я уже тогда умела перевязывать.

Они легко засмеялись.

Интересно, у нас была хотя бы призрачная возможность встретиться в детстве?

Мы тогда на девчонок и не смотрели, у нас были другие важные дела: футбол, хоккей...

А если бы ты и увидел меня в то время, то и внимания не обратил бы... Я тогда себе страшно не нравилась. Может, и к лучшему, что в детстве не встретились.

Баба мне говорила, что и мой суженый где-то ждёт меня.

— Баб, а кто это — суженый?

Баба Анюта была мудрой...

— А вот твой папка — это суженый твоей мамки. Хотела бы ты такого суженого?

Баба Анюта знала, как я люблю своего папку.

— Конечно, баб! Очень хотела бы! А он меня ждёт?

— А как же? Ждёт-дожидается!

И ведь дождался.

Она снова засмеялась.

Он взял её за руку.

Помню, мама пела мне... она ведь часто пела, ты знаешь.

«Ой, малыш-малыш, высоко летишь». А может, она пела «мой малыш»? Нагадала...

Полжизни в самолётах... Я помню, как она боялась за меня, провожая в дорогу. Каждый раз мама махала мне издали и пела... Даже когда её уже не было с нами.

Ты же знаешь — мама была очень верующей, она выросла в религиозной семье. Дед мой часто говорил слово Божье на собраниях верующих.

Мне всё время повторяли, что надо бояться Бога... а я хотел любить Его.

Говорили, что Бог нас всех любит. А я постоянно возвращался к мысли, что если Бог меня любит, то почему я должен Его бояться? Если Он меня любит, то и я хочу Его любить.

На примере отца я уже тогда знал, что это невозможно — одновременно любить и бояться.

Я боялся отца. Видел, как он наказывал моих старших братьев. Видел, какими страшными становились его глаза в эти минуты.

Мама говорила, что отец добрый и любит нас. По ночам я залезал с головой под одеяло и пытался вызвать у себя слёзы любви к нему — ещё не умел выражать свои чувства по-другому. Но потом представлял, как он будет наказывает меня. Ведь когда-то дойдёт очередь и до меня. Видел при этом его лицо и чувствовал только страх.

И только когда повзрослел, любовь к отцу постепенно выместила этот страх.

Это противоречие в моём детском представлении, какими должны быть отношения с Богом, долго не давало мне стать по-настоящему верующим человеком.

Мама всю жизнь прожила в страхе, вершиной которого был страх перед Богом.

Перед этим чувством меркли все остальные страхи: страх голода, который она пережила в молодости. Страх перед властью, которая могла в любой момент снова посадить её в теплушку и увезти от семьи. Страх за детей, которых она так не хотела отпускать от себя.

Она боялась Бога и всю жизнь просила Его о милости. Любила ли она Его? Не знаю.

Может ли раб любить своего господина, у которого постоянно просит милости... не знаю.

Смогла ли мама преодолеть это противоречие — страх перед Богом и любовь к Нему одновременно... не знаю.

Сколько же лет прошло?

А помнишь, как мы говорили в первый раз? Это было перед началом общей лекции. Вы позади всё время о чём-то болтали, но твой голос выделялся среди других, и я, конечно, обернулся. Все девчонки были ещё школьницами-подростками, а ты была уже взрослой девушкой, хоть и миниатюрной. Даже аккуратной короткой стрижкой выделялась среди всех этих хвостов и косичек. Я что-то сболтнул, ты легко поддержала разговор, даже пошутила первой. Я, как завязанный остряк, не мог уступить... Так оно и пошло — легко и шутливо.

Ага, вот так, в шутках и прибаутках, и шли наши годы. Сначала шутя отмечали вместе праздники, потом ты в шутку предложил пойти в ЗАГС, я в шутку согласилась. Потом шутить стали уже вдвоём: не могла же дочь родиться серьёзной у таких весёлых родителей. Потом появился сын-весельчак. От некоторых шуток детей головы наши стали красивого пепельного цвета.

Она ещё долго говорила, вспоминала их прежнюю жизнь.

Когда на плечо легла лёгкая рука, она встала и поправила на нём одеяло.

Он спит, сказала она устало.

Он ушёл, сказала медсестра.

Она снова опустилась на стул, взяла его ещё тёплую руку.

Я хочу ещё побыть с ним... Одна.

Недолго, я обязана позвать врача.

Сестра ушла.

Вот видишь? Врачи давали тебе неделю, а мы с тобой прожили две.

Хорошо, что палата отдельная — мне не хотелось никого видеть, кроме тебя.

И эти аппараты с их противным писком... Они всё равно не могли помочь, и правильно, что ты настоял на их отключении. А капельницу с обезболивающим оставил, чтобы не отвлекаться на боль. Чтобы прожить свою жизнь ещё раз вместе со мной... Нам было хорошо вместе... и сейчас, и тогда. Многие удивлялись, что мы не устаём друг от друга... А мы уставали только от разлук. Могли долго молчать, а потом начать говорить одновременно на одну и ту же тему... Наверно, это наши души слышали друг друга.

Нам не нужны были компании. Мы вдвоём и были той компанией, в которой нам было интересно и весело... Шутили ещё, у нас даже свой, только нам понятный, язык выработался. Достаточно было одного слова, и тут же всплывали образы, цитаты, фильмы... Как тут заскучаешь, когда всегда нужно быть готовым в том же тоне ответить на остроуту или весёлую подначку?.. Нам очень не хотелось стать скучными и вялыми в общении друг с другом.

Знаю — ты будешь приходить ко мне. И мы будем говорить о том, как я живу.

А ты... Не знаю, можно ли тебе будет что-то рассказывать, но я уверена, что ты найдёшь способ. Выдашь какой-нибудь анекдот, я и пойму, что у вас там творится и стоит ли туда торопиться.

У детей уже свои семьи, и без тебя меня больше ничто не держит здесь, хоть ты и запрещал мне говорить об этом. Зато теперь, когда тебя нет, я могу спокойно приводить в порядок свои незаконченные дела и собираться в путь. А ты будешь меня поддерживать и наставлять, как это и было всегда. Надеюсь, что последняя разлука не будет слишком долгой. Я не заслужила одиночества.

И ты подскажешь, когда придёт моё время, чтобы я была готова... Хочется прийти к тебе такой, какой ты привык меня видеть...

Богураев

В деревне, что стояла на берегу реки, соседи знали друг друга не по фамилиям, а чаще по кличкам, которые сами же и давали.

Дед Митрофан не ругался матом, но часто приговаривал — «к Богу в рай».

А если выпивал, то эта приговорка цеплялась к каждой фразе. К тому же в подпитии дед начинал заикаться, и тогда продаться к смыслу его высказываний становилось совсем трудно. За то его и наградили прозвищем «Богураев».

И когда кто-то искал деда — новый почтальон или ещё кто, — то после долгих выяснений местные, наконец, понимали о ком идёт речь...

«Так это же про Богураевых! Идите вдоль берега, там большой камень наполовину в воде, поглядите налево, это и есть их огород. Но они сегодня не откроют — самогонку гонят».

Участковый жил на другом берегу. В деревню можно было добраться только паромом, как громко называли небольшую лодку, курсировавшую туда-сюда без всякого расписания, поэтому его здесь видели нечасто. А если он и приезжал, то угощать его начинали от крайнего же дома. Бывало, и до середины деревни не доберётся: так у родственников каких-нибудь и заночует. Поэтому хоть особо бояться было и некого, но открывать посторонним в этот день не открывали, пока не закончат процесс и не унесут аппарат в подпол. Иногда, правда, и на это уже сил не хватало: как тут удержишься, когда вот она, родимая, то капает, то бежит тонкой струйкой. Митрофанова старуха тоже не отставала. Поначалу ещё покрикивала на деда и вовремя забирала полную банку, уносила и где-то разливала по бутылкам. А потом уже и сама прикладывалась понемногу. Да так, бывало, в бане и оставались, задёргнув шторку на маленьком оконце и набросив крючок на двери.

Ангел какой-то странный, больше на участкового похож... но с крыльями за спиной.

— Богураев?

— Нет.

— Фамилия как?

Дед с перепугу забыл, какая у них со старухой фамилия, обернулся беспомощно, но старуха куда-то исчезла, спросить было не у кого.

— Проходи, дед, дальше, для таких, как ты, отдельный вход.

— А где же старуха? Куда я без неё...

— Проходи, проходи, найдётся твоя старуха, здесь не потеряешься.

Отошёл недалеко, снова участковый стоит с кислым лицом.

И какой чёрт его принёс в рай, пьянь в погонах, а тут ещё и с крыльями...

Что-то, однако, не складывалось в голове деда... черти в рай не носят.

— Фамилию вспомнил?

— Кар... кар... кар...

— Ты, дед, кончай вороной прикидываться! Раскаркался.

— Карпов я, — наконец выговорил дед.

— А Богураев почему?

— Так это... ты же...

— Псевдоним, что ли?

— Ага, — сразу согласился дед, хоть и не знал, что это такое.

— Понятно. Очень в рай хочешь.

Дед промолчал: больно грехов много, чтобы так явно проситься.

— Скажи, где самогонку прячешь?

— А, так бы сразу и начинал...

— Если скажешь — остаёшься здесь, и старуху найдём.

— погоди, не гони. Здесь — это что? Как эти места называются? Жить-то где будем со старухой? А с пенсией, опять же, как?

— Дед, ты кончай торговаться, не на базаре. Здесь это здесь. Обвыкнешься понемногу.

— Да или нет?

— Да погоди ты... Тебе зачем знать, где моя самогонка, ежели ты здесь ошиваешься?

— А-а-а... Ты назад собрался? Как я сразу не допёр.

Дед оживился.

— Так-так...

— Смотри сюда: если скажу нет, то попрёте меня назад. Да ещё старуха в заложниках. Но самогонки тебе не видать.

Если скажу да, то оставишь здесь в полной неясности, даже и со старухой.

Самогонка вся твоя.

Потому мой ответ — если нас со старухой назад вернёшь, половину всех запасов отолью.

На этом месте участковый поднял крыло и почесал спину под ним.

Исчез ненадолго, потом вернулся.

— В рай тебе нельзя, дед, грехов у тебя, как блох у собаки. Да и далековато отсюда.

В ад тоже нельзя с такой кличкой.

Повезло тебе. Решение вопроса откладывается... ввиду неясности.

Потом достал из кармана коричневую картонку, раньше такие билеты давали на электричку.

— Это тебе обратный проезд. Старуха твоя скоро вернётся.

Давай, дед, рули домой и готовь мою половину.

— Э-э-э, погоди, скажи хоть, где остановка электрички?
Но участкового уже не было.

Дед открыл один глаз — появился потолок бани. Тихо и осторожно, чтобы не разбудить головную боль, позвал старуху. Никто не отозвался. Шторка на окошке не тронута, дверной крючок накинута изнутри. Дед хорошо помнил, что до участкового они были здесь со старухой вместе.

«Погоди, значит, старуха там осталась? В раю?» Забывшись, дед открыл второй глаз, и голова взорвалась острой похмельной болью. В глазах снова потемнело.

— Богураев! Аллё!
— Ты где, старый?

Дед распахнул глаза, голова была ясной и совсем не болела.
Он торопливо накрыл аппарат тряпьем и вышел из бани.

Участковый, без крыльев и непривычно трезвый, стоял у калитки, удивленный Амур даже забыл погавкать для приличия.

— Веди, дед, будем твои сусеки скрести.

— Какие сусеки? — попытался прикинуться непонимающим дед.

— Ты, дед, кончай ваньку валять, а то враз верну куда надо, и кличка не поможет.

На другом берегу привычно прошумела электричка.

— А старуха моя где?

Участковый махнул рукой назад:

— Слышал электричку? Это старуха твоя приехала. Пока делить твои запасы будем, она и подойдёт.

Сполохами мелькали в мозгу лица старухи, участкового, даже морда блохастого Амуре беззвучно гавкала на деда.

Дед пошарил рукой вокруг, не открывая глаз. Баня, табурет, стакан. Пересилил себя, глотнул. Кошмары исчезли, но старухи не было.

Сон был какой-то странный, было над чем задуматься.

В рай не берут, грехов много, да и как их искупать — никто не говорит.

В ад тоже не берут, но это и к лучшему, не сильно-то и хотелось. Неужели только из-за клички не берут?

Дед хоть и повторял свою приговорку за каждой фразой, но в душе в Бога не верил.

«Наверно, всё-таки из-за клички», — других причин для непопадания в ад дед не видел.

«То есть получается, что если никуда не берут, то это навряд ли как бессмертие? С одной стороны, хорошо — жить всегда хочется. А с другой стороны, если вдаль посмотреть? Старуха

помрёт скоро, давно уже болеет. Её-то участковый пристроит где-нибудь, к бабам должно быть больше сострадания.

И мне как одному? Дети далеко и не сильно-то скучают. Сосед Тимоха, штатный собутыльник, тоже года считает. Хотя с ним непонятно... В последнее время в церковь ездит, крестится ловко, разговаривать стал нараспев... Когда трезвый. А по пьяни от его мата уши вянут.

А ведь его в рай не возьмут. Если к нему вовнутрь заглянуть, там такое откроется... мало не покажется... И ведь всё сам Тимоха рассказал, никто за язык не тянул. Он выпивший шибко разговорчивый...

Участковый на входе всё припомнит. Он ведь Тимохины рассказы тоже не раз слышал.

Тогда в ад Тимоху? С другой стороны, милиционер своими глазами не раз видел, как Тимоха крестится по всякому случаю, да и про церковь знает.

В ад таких не берут, это я уже понял. Вполне могут Тимоху завернуть назад... ввиду неясности.

О, вдвоём уже совсем другая история. Можно жить...»

Дед глотнул ещё.

Когда он вышел из бани, уже темнело. В доме никого не нашел, но зато в кармане обнаружился надорванный кусочек картона. «Значит, это был не сон?» Кинулся в сарай, потайная дверца была открыта, половины запасов как не бывало. «Значит, не сон».

«Если так, то и старуха уже идёт от электрички к реке. Надо было встретить у парома — темноты бабка боится жуть». По дороге дед пнул дремавшего Амура — «Чтоб тебя черти взя...» — тут дед представил участкового и осёкся.

Неясное чувство заставило Митрофана попытаться сказать «к Богу в рай»... но язык не слушался его. Попробовал несколько раз произнести свою кличку, тоже выходило какое-то шамканье, как у дурачка Юки с другого конца деревни.

«Участковый поработал, — подумал дед. — Запасы ополовинил, на язык прищепку повесил... Чего ещё ждать?»

Попробовал матюгнуться — получалось. «Ну и ладно. Старуха поймёт, Тимоха тем более.

Жить можно...»

Пенёк в лаптях

У отца было два определения неудачника. Причём оба были рассчитаны на прямое обращение и никогда не произносились «за глаза».

Первое было таким:

«Пенёк ты неудачный...» — это звучало очень обидно, почти окончательно, но всё-таки ещё подразумевало какую-то последнюю возможность исправиться, поумнеть... если повезет.

Второе:

«Лапоть ты, лапоть...» — оно само по себе вкупе с интонацией, с которой произносилось, несло в себе такой заряд безнадёжности, что было понятно — это конец, приговор. Причём приговор окончательный и не подлежащий никакой апелляции. После этого реабилитироваться в глазах отца было невозможно.

Мне не довелось услышать в своей адрес от отца ни первое, ни второе.

Были разные времена, и наши отношения не всегда были ровными. Может быть, я и заслуживал иногда его осуждения за какие-то поступки, но отец понимал, что однажды сказанное будет идти вместе с нами всю оставшуюся жизнь. И был прав. Я помню слово в слово его сдержанную похвалу моих первых литературных опытов. И точно так же помнил бы его осуждение...

Коляка

В кладовке среди разбросанных вещей отца Коляка нашёл интересные штучки с торчащими проводками. Коляка знал, если торчат проводки, а изоляция на концах ободрана, то штучки эти связаны с электричеством. Недолго думая, он сунул проводки в розетку.

Ба-бах! Пальцы на потолке, на месте ладошки торчат обломанные косточки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.